

Саша Свиридова (Нью-Йорк)

Обещание мертвецам: «Приключения Ариеля Дорфмана в изгнании»

Не верю, что вы пойдете это смотреть, а потому – не боюсь рассказывать: картина длинная, полнометражная, хроникально-документальная с неотразимым главным героем в кадре: писателем, драматургом, поэтом А. Дорфманом. Мир знает его, как автора прогремевшей драмы «Смерть и Девушка». Он собственной персоной представил ленту на открытии МКФ. Фильм по пьесе «Смерть и Девушка» при желании можно увидеть. Пьеса прошла с успехом во многих странах мира, после чего Роман Поланский снял фильм с Сигурни Уивер в роли Девушки. Сюжет, о котором в России могла мечтать только Анна Ахматова: в преддверии бериевской амнистии после сталинского «великого сдоха» она писала, что «две России посмотрят в глаза друг другу: Россия, которая сидела, и Россия, которая сажала». Хорошо, что она не дожидаясь наших дней, когда отсидевшая Россия демократическим путем выбрала себе во власть вертухаев.

У Дорфмана сюжет на две персоны прост, как правда: одинокая Девушка в пустом доме на отшибе открывает в ночи дверь одинокому путнику, у которого сломался автомобиль в эпоху до-карманных телефонов. И опознает в нем своего палача. Вяжет его по рукам и ногам к стулу и начинает пытать. Словами. Напоминает ему, как он пытал ее в застенках только им известной страны и тюрьмы. А «Палач» – Девушкина Смерть – отпирается и настаивает на том, что она обозначалась. Вот и вся сказка. Что было дальше – смотрите сами.

Нынешняя лента с А. Дорфманом в центре повествует о другом: о самом Дорфмане, его невероятной судьбе и семье. В 1973 году во время переворота в Чили Дорфман, который в ту пору был едва ли не самым молодым советником президента Альенде по культуре, чудом не был арестован, чудом спрятан в посольстве Аргентины и чудом покинул страну. Почти все его друзья были

убиты. Режисер Питер Раймонт из Канады ступает след в след за Дорфманом в его первом путешествии назад в Чили. Один из соавторов картины – сын Ариеля Дорфмана Родриго. Я, конечно, специальный зритель для этой ленты, в которой меня завораживает ВСЁ. Начиная с красавицы-бабушки героя. Она жила в Одессе в одно время с моими бабушками, и я узнаю на фотографиях в кадре виды из семейного альбома моей семьи.

В Одессе бабушка Дорфмана владела пятью языками, училась музыке в Венской консерватории и, вместо того, чтобы томной красавицей музицировать по вечерам в нэпманских салонах Вере Холодной, в «окаянные дни» пошла служить переводчицей к Троцкому. Спасибо ему, что не оставил ее, когда уезжал за границу созданной при его участии страны, иначе бы XIX-й фестиваль правозащитного кино открывался какой-нибудь другой картиной.

Бабушка вывезла дедушку и детей в Латинскую Америку, в Аргентину, где господь миловал, и Дорфманы последовали за Троцким не до ледоруба. Расстались чуть раньше, уехали в Америку, обосновались там и жили долго и счастливо до маккартизма. Маленький Ариель родился и вырос в Нью-Йорке, левацкие верования семьи привели к тому, что он стал социалистом. А в период маккартизма маленький Дорфман обнаружил, что в момент казни супругов Розенбергов на электрическом стуле – за передачу ядерных секретов Америки товарищу Сталину, – ему стало страшно, что его папа и мама – следующие. Со щемящей прямоотой он комментирует кадр кинохроники, где американские полицейские ведут двух маленьких осиротевших детей Розенбергов: «Я понял, что завтра это могу быть я»...

Папа Дорфман понял это тоже. И покинул Америку. Они бежали в Латинскую, осели в Чили, и опьяняющая волна левизны эпохи Альенде

накрыла молодого поэта, да так, что он был отмечен властями, и зван в аппарат. Чудо всей истории в одной реплике: команда Альенде знала, что она обречена, что Америка не допустит советизации Чили. Американцам было достаточно Кубы. Команда Альенде составила список, по которому утром обзванивали всех, кто должен явиться во Дворец в случае переворота. И когда час ИКС настал, и Дорфман ждал звонка, звонок ему НЕ поступил. Остальные – по списку – явились во дворец, были схвачены вместе с Альенде и убиты. Спустя годы Дорфману довелось встретиться с тем человеком, кто звонил по списку.

– Почему меня не было в списке? – спросил Дорфман.

– Ты был.

– Почему тогда мне не позвонили?

– Я тебя вычеркнул.

– Почему?

– Я решил, что кто-то должен остаться в живых, чтобы рассказать о нас, а ты был самым молодым и талантливим...

Вот такой сумасшедший поворот.

Кадры хроники 11 сентября 1973 года сохранили картинку того, как Дорфман пытался прорваться во Дворец. Здание уже оцеплено солдатами Пиночета. Это видеть невыносимо: всем внутри ясно, что их ждет смерть, а Дорфман снаружи ведет себя, как безумец, для которого чувство долга, идеалы революции, – ценнее ЖИЗНИ. И взрослый человек – прибывший с визитом седой Дорфман – останавливается на том самом месте, где юношей замер 11 сентября 1973-го и произносит:

– Я понял, что там – смерть. Поставил и... пошел в противоположную сторону. Я выбрал жизнь.

Это невероятная по надрыву сцена. Я видела, знаю – встречалась и близко общалась со многими, кто стыдится того, что остался в живых, когда остальные погибли. Дорфман долго молчит в кадре – видно, как

он прощает себе то, что остался. Что женился на той, которую любил. Именно она ждала его в машине, когда он пошел умирать. Счастлив, что она родила ему двух сыновей. И видит свой долг в том, чтобы не дать погибшим исчезнуть в мутных водах реки Леты, смывающей следы человеческих преступлений без следа. А подарок, который выпал режиссеру в кадр – из рукава небес: съемочная группа прибывает в Чили в момент, когда умирает в госпитале Пиночет. И город рыдает и скорбит, прощаясь с великим вождем, который предотвратил приход коммунизма, красной чумы, «распад страны», как кричат верующие в Пиночета, и «помог избежать гражданской войны». Дорфман идет своими дорогами, но отдельные перекрестки в жизни Сантьяго-де-Чили знаковые, и обыкновенный прохожий, пару раз обернувшись на съемочную группу, останавливается, притормаживает и плюет Дорфману не в лицо, но под ноги:

– Коммунистическая сволочь...

Скажу сразу, что это немолодая элегантная женщина. И кипит мой разум возмущенный: убивать – нехорошо, Дорфмана и всех погибших под Пиночетом – жалко, но коммунистов не люблю. Плюнуть вряд ли смогла бы, особенно на улице – под окном камеры – но... целиком и полностью согласна с прохожей. А Дорфман и его съемочная группа не останавливаются: они идут под окна госпиталя, где угасает убийца, и... гуманист Дорфман вступает в круг истерически рыдающих «Черных колготок» Чили и выражает им соболезнование: – Вы любили его, и я понимаю, что вы сейчас чувствуете...

Я была искренне рада за гостей МКФ, что в ночь открытия им предложили достойный фильм. Помимо этого, были еще несколько лент, связанных с именем этого драматурга. Две работы написаны им в соавторстве со своим сыном Родриго – «Пленники времени» 1995 года и «Линия смерти» 1998-го.

Валентина
ГОЛУБОВСКАЯ

Уроки Привоза

ИЗ НЕВОШЕДШЕГО В КНИГИ

Попробуй на Привозе сказать «щавель»! Засмеют или не поймут, и это не единственный пример: синие, а не баклажаны, буряк, а не свекла и т.д.

И всё же Привоз тоже учит.

Я покупала всегда брокколи. Однажды продавщица меня поправила – «брОкколи». Я удивилась, недоверчиво на нее посмотрела, взяла «брокколи» и дома проверила, что же я купила. Боже, какой стыд! Хорошо, что не вступила в спор с продавщицей.

Еще. Покупаю всё время рукОлу. На днях зеленщица мне говорит: «рУккола!». Я, пережившая орфоэпический стыд с брокколи, не стала ей перечить, взяла рУкколу. «Опять двойка!».

Так что Привоз не так прост, как кажется. А то говорят снобы – «Фи, Привоз!» Сколько раз я забывала попку на прилавке, через день подходила, мне возвращали – овощи или фрукты, часто добавляя: «Вы так быстро ходите, я бежала за Вами и не догнала!» Помню, выбрала мясо, хватилась – забыла дома кошелек! Продавщица мне говорит: «Берите мясо, идите домой, готовьте обед, в следующий раз отдадите деньги!»

Это – Привоз! А Женья говорит, что я хожу на Привоз, как в клуб!

Елена АНДРЕЙЧИКОВА

Почему я пишу?

Если хотите, чтобы вечная улыбка сползла с моего лица, спросите при встрече.

Меня часто спрашивают, пора бы уже привыкнуть к этому вопросу и заготовить внятный ответ.

Но просто внятный – я не могу.

Они же ожидают феерии. Мол, ты же писательница, давай, жги.

А я не могу так спонтанно жечь. Я поэтому и пишу, что мне необходимо посидеть в тишине, напрячь извилинки, в носу поковыряться, отредактировать три раза и отправить на проверку уважаемому редактору.

К тому же я женщина. Вспомнила, что еще не умывалась, отвлеклась. Знаете, как женщинам надо умываться? Гель, пенка, тоник, крем. Пока все процедуры закончила, уже забыла, что хотела сказать. И все сначала.

Так вот, почему я пишу.

Перед тем как ответить, всегда молчу. Минуту. Или две. Зависит от спрашивающего. Если на вид умен – две минуты, не меньше. Чтобы понял и ощутил мое презрение к нетактичному садистическому любопытству.

Мне же не приходится в голову спрашивать у людей: почему вы лечите, почему вы копают, почему вы стрижете? У каждого ж свое, хотя все понятно. Лечим – потому что спасти кого-то душе надо, копаем – потому что лень не копать, стрижем – потому что любим пострижен-

ных. Если нет – возмутитесь. Но позже.

А почему я пишу? После длинной паузы рассказываю – потому что не могу иначе, потому люблю это дело, потому что получается.

Все это вранье. Могу и не писать. Могу просто быть – у меня это красиво получается. Особенно после геля, пенки, тоника и крема. И дело это часто ненавижу. Все гулять, а я наказанная. За столом. Причем сама себя, никто не требовал. Получается? Иногда получается. Но иногда, думаю, лучше бы я взяла лопату в руки...

И плету этим вопрошающим изящные звуки. Это мне еще сложнее дается, чем буквы. Но плету. Позитиво облигат. К тому же память слабая. Умничаю только с Википедией. Как сейчас. Главное, произвести впечатление. Ко всем моим придурковатостям, я еще и мелкий нарцисс. Мелкий, потому что не токсичный, как сейчас принято обзывать. Разве что аутоинтоксикация случается. Вот снова, Википедия в помощь.

Но вам-то я могу сказать, почему пишу. Все просто, сбрасываю неврастению, как балласт с тонущего корабля. У меня этого балласта! Сдуру на борт нахватала за жизнь, но оказалось, что пригодились. И еще, чувствую, пригодится. До береговой линии. Но пока только синяя вода вокруг. Темно, тихо, тревожно. Ну и ладно. Пошла писать.